

Вафина Елена

Я пишу сейчас

Елена Вафина
Я живу сейчас

«Издательские решения»

Вафина Е.

Я живу сейчас / Е. Вафина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-932954-7

Главный герой отправляется в путешествие к Атлантическому океану в Португалию, чтобы впервые в своей жизни заняться серфингом, и находит там не только спорт и красоты природы, но и новые знакомства, которые помогают герою воспрянуть духом, обрести мудрость и веру в себя, открыть новые чувства и всколыхнуть память. История пронизана болью первых поражений и радостью побед, симпатией к людям и взаимным пониманием с окружающим миром, любовью и дружбой, без которых жизнь обычно становится пресной.

ISBN 978-5-44-932954-7

© Вафина Е.

© Издательские решения

Содержание

День 1	7
День 2	12
День 3	19
День 4	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Я живу сейчас

Елена Вафина

Корректор Юрий Кудряшов

Дизайнер обложки Мария Бангерт

© Елена Вафина, 2019

© Мария Бангерт, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4493-2954-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В детстве я ждала будущего, взрослой жизни, которая казалась мне полной тайнств и важных событий. Взрослея, я замечала, что это самое будущее, к которому я стремлюсь, становится все дальше, отодвигаясь ровно на столько же шагов, на сколько я к нему приближаюсь, стараясь достичь. И к своему тридцатилетию я окончательно смирилась с тем, что это был мираж, игра разума, что так устроен человек – чтобы двигаться по своему тоннелю, ему нужен свет в конце, до которого он никогда не доберется. «Научись жить здесь и сейчас!» – призывала я себя. Но какой же скучной и пустой была эта жизнь. Я решила, что таков мой характер – желать того, чего у меня нет, и вряд ли что-то могло измениться, но мир вокруг не виноват. Я была крепко в этом убеждена, изредка предпринимая безуспешные попытки это опровергнуть.

Ничто не приносило мне радости, ничто не вызывало приятного волнения и предвкушения. Иногда я забывалась на время в сюжете какой-нибудь книги или фильма, а потом несколько дней пыталась отдышаться после вихря кем-то выдуманных событий, но возвращение на землю становилось настоящей пыткой. На границе фантазии и реальности я испытывала удушающую необходимость все изменить, найти свой источник энергии. Но я думала, что в жизни так не бывает, ведь в фильме нам показывали уже экстракт приключений. Все скучные подробности были исключены.

Помимо чтения, мне нравилось уезжать из дома. Там, где все было по-другому, казалось, больше шансов найти свой смысл жизни, свои краски. Но где бы я ни оказывалась, все существовало будто не для меня. Я появлялась в тех местах лишь раз, не оставляя памяти о себе. Тридцать лет поиска – и все тщетно.

Общество требовало от меня только выполнять свои обязанности: учиться, работать, платить налоги и создать семью. Природа диктовала мне еще более прозаичные условия: есть и спать, чтобы функционировать. Но мне этого было мало. Я, может, и не хотела бы желать другого, но ничего не могла с собой поделать.

Мне все вокруг казалось неправильным: отношение людей к работе и к искусству, к природе и между собой. Не нравились современная архитектура, одежда, которую носят люди и продают в магазинах, то, что люди говорят и о чем думают, насколько они непостоянны в своих интересах и предпочтениях. Разочаровывала и погода в Санкт-Петербурге, где я жила. Она, казалось, всеми силами пытается измучить население.

Находясь на самом дне своих эмоций, я получила предложение поехать в Португалию в школу серфинга. Я ничего не знала ни о Португалии, ни о серфинге, и, честно признаюсь, это не вызывало никакого интереса, но я все-таки должна была делать хоть что-то, чтобы заполнить время огромной скуки по имени «моя жизнь». Я согласилась и приняла решение потратить оставшиеся месяцы с пользой – заняться подготовкой. Чтобы не было лишней возможно-

сти думать о смысле и анализировать течение жизни, а заодно чтобы снизить степень моего комплекса неполноценности из-за лишнего веса, я занялась спортом.

Я все равно чувствовала, что легко могу отказаться от своей жизни, потому что она была мне неинтересна. А если все равно, то зачем жить? Но я хочу рассказать не о своих жалобах и слабохарактерности, а о том, что не все было потеряно даже для меня – всегда унылой и опустошенной, замкнутой и озлобленной, даже в тридцать лет без единого достижения. Не имея веры в то, что чувствовать можно по-другому, я отправилась в школу серфинга в Португалии 6 сентября 2015 года.

Считаю, отважно с моей стороны оголять свои мысли и чувства, и я могла бы притвориться и рассказать какую-то другую отшлифованную историю, в которой не к чему будет придраться, не над чем посмеяться и не за что осудить, но тогда зачем все это?

День 1

Интересно признавать, что путешествие начинается прямо сейчас. Как только я заняла место в автобусе, который отвезет меня в аэропорт, все мои страхи и неуверенности рассеялись. Я почувствовала, как приятно терять корни, притягивающие к дому, освобождаться и не знать, что тебя ждет каждую следующую минуту.

Полет прошел незаметно. Какие-то пять часов показались мгновением. Сначала возня с разносом напитков, потом – с завтраком, со сбором мусора, и вот – мы уже летим над Лиссабоном. Просматривался четкий план застройки. Не было несуразности и безвкусицы. Одинокие высотки не торчали, как сорняки, среди огорода коттеджей. Застройки были по большей части типовые, и улицы состояли из домов-близнецов, как и у нас в спальных районах Санкт-Петербурга, за исключением центра, где крыши горели оранжевым цветом. Веяло спокойствием и благополучием.

Как только мы получили багаж, сразу отправились в метро, вход в который расположен прямо у выхода из аэропорта, справа. Спустились по эскалатору под свод, отделанный мозаикой из черных и белых квадратиков плитки. В глазах от такого сочетания рябило. У выхода с эскалатора стояли автоматы по продаже проездных билетов. Жетонов в Португалии не существует. Предлагалось купить карточку и оплатить однократный проезд, неограниченное количество поездок на весь день или бессрочное пользование оплаченными поездками. К нашему счастью, у такого автомата стоял служащий метро, и через несколько секунд он выдал нам заветные карточки, тонкие, как визитки, которые быстро приходят в негодность.

Уселись мы в вагон и отправились на станцию «Эл Себастиау», где должны были совершить пересадку и доехать до станции «Жардинь Зооложикау», а по-русски – «Зоопарк». Интервалы пути между станциями были очень короткими, темными, мало чем отличающимися от самого тоннеля, однако каждая станция все же была отделана плиткой и имела претензии на стиль. Закрывание дверей предупреждалось звуковым сигналом – протяжным писком. Сидения расположились не вдоль стен, а перпендикулярно, по два навстречу друг другу, они были обшиты бархатом и имели необычную форму – выпуклость в районе поясницы, что приятно снимало напряжение.

Не потрудившись узнать о Португалии и ее населении до поездки, я ожидала увидеть смуглых, коренастых, болтливых и подвижных людей, похожих на итальянцев или испанцев, с которыми уже встречалась ранее, но португальцы оказались совсем иными: скромными и молчаливыми. Впрочем, я списала это на многообразие рас и национальностей, стекающихся в столицы Европы.

В вагоне рядом с нами сидел мужчина, которого я приняла за иностранца. Он внимательно следил за остановками и рассматривал что-то на экране телефона, а когда мы вышли на пересадке и растерянно стали смотреть по сторонам, он подошел и заговорил на русском. Мы поделились с ним, что едем на автостанцию, а он очень кстати следовал туда же и, главное, был там тысячу раз, поэтому обещал помочь нам сориентироваться.

Пока мы бежали по переходам, он налетел на старушку и принялся что-то лопотать на иностранном, чем сильно меня удивил. Поезда долго не было, мы начинали нервничать, так как оставалось всего двадцать минут до автобуса, а нам еще ехать целых две остановки, искать вокзал и покупать билеты. Ожидание было скрашено разговором. Мужчина оказался украинцем – наверное, можно сказать, что уже в прошлом. Он не жил на Украине двадцать лет, шестнадцать из которых прожил в Португалии, и вот уже четвертый год живет во Франции, в Париже. Имея строительную бригаду, он неплохо зарабатывал на севере Португалии, но вскоре правительство задавило налогами, и ему захотелось сменить место работы и житель-

ства. Это меня поражало. Вот так просто – взять и сменить, ведь мне даже для того, чтобы просто идти по течению, будто приходилось крутить старые жернова мельницы.

Выйдя из метро, мы побежали под виадуком с картинками зверушек на опорах, нырнули на парковку, пересекли ее наискосок и побежали вдоль остановок автобусов до самого конца здания вокзала. У касс мы обнаружили длинную очередь и уже заведенный автобус до полуострова Пениши, водитель которого нервно поглядывал на часы. До отправления оставалось всего пять минут. Мы не успевали отстоять очередь и купить билет, а следующий автобус был почти через два часа. Наш новый знакомый отчаянно старался нам помочь. Сначала он о чем-то пытался договориться с водителем, но тот без билета нас пускать не хотел. Тогда он побежал в самое начало очереди и принялся уговаривать португальцев пропустить нас вперед. Не знаю, что он им сказал, но все вдруг начали озираться и искать нас взглядами. Мы подошли к кассе, люди расступились, и мы купили свои заветные билеты за девять евро, поблагодарив португальцев в очереди по-английски. Тогда я ни слова не знала на португальском. У меня и мысли не было выучить хотя бы самые простые слова.

Уже у автобуса мы поблагодарили нового знакомого, а он отмахивался: «Ерунда». Водитель требовал занять места и не задерживать отправление, и Андрей бросил знакомому вслед: «Как тебя хоть зовут-то?» «Саша!» – ответил тот, но знакомиться и пожимать руки было уже поздно.

Это было последнее, что мы сказали друг другу на прощание – наши имена.

Автобус был полон людьми. Казалось, будто жители покидают душную столицу, чтобы отправиться на дачу на берегу океана. Автобус был комфортабельный, с удобными мягкими сиденьями. Работали кондиционер и беспроводной интернет.

Когда автобус вывез нас из темного ангара и повез вон из города, мои представления о Португалии снова разошлись с реальностью. Кругом была зелень – хвойные леса, огороды, газоны, поля, а я ожидала увидеть выжженные солнцем пустыри, высохшие луга и безжизненные стволы деревьев, обезображенных пожаром, вместо леса. Нигде не валялся мусор, не было сброда бездельников, развалин и трущоб, все указатели висели целые и новые. Дороги были хоть и узкие, но ровные. Я не понимала, что чувствую. Мне было, в общем-то, все равно, что я здесь, но картинка за окном приятно ласкала глаза. Перемены всегда ненадолго отвлекают от самобичевания.

Почти два часа автобус нес нас на конечную в городке Пениши. Еще из автобуса мы позвонили в серфинг-школу, и нас обещали встретить. Мы вылезли из автобуса, взяли за чемоданы, как вдруг к нам подошел загорелый парень, представился Анатолием и повел нас в служебную машину. Я растерялась и даже не поняла, на русском ли он говорил с нами. Он повез нас в окрестности полуострова Балеал, где и находилась школа вместе с нашими апартаментами, которые заранее забронировал Андрей. Анатолий сразу попросил с ним на «ты», рассказал, где какие кафе и бары, пытаясь уловить наши вкусы и интересы, немного поведал о рыбном заводе и ближайшем супермаркете. Без внимания не осталась и главная тема, которая свела нас вместе – серфинг. Я нехотя вспомнила, что приехала сюда за этим. Мысли о серфинге меня не радовали и даже пугали, но Анатолий очень увлеченно рассказывал о нем. Мы терялись от оказанного нам беспочвенного доверия, ведь Анатолий без утайки описывал свои эмоции, говорил с нами так, будто знает нас тысячу лет.

Хозяйка апартаментов опаздывала, и нам пришлось ждать ее на улице. Солнце пекло в макушку, и я пряталась в тень машины, озираясь по сторонам. Местность казалась невзрачной: заросшие камышом газоны, разносортные постройки, довольно пустынно. Я подумала: «Приехали в какую-то деревню. Скучно, наверное, будет до смерти». Но как сильно я ошибалась.

Анатолий спросил, катаемся ли мы на сноуборде. Мы не катались, и вдруг я почувствовала себя ужасно глупо. Наивный офисный планктон прибыл учиться серфингу. Я прятала

голову под кепкой, тело – в джинсах и толстовке, глаза прикрыла темными очками, в то время как Анатолий смотрел на меня с открытым лицом. Не смущали его ни солнце, ни моя «рак-овина вещей». Я еще не знала его историю – долго ли он живет в Португалии и как оказался здесь, но его карие глаза и черная кудрявая шевелюра полностью соответствовали моему первоначальному представлению о португальцах.

Пока было время, Анатолий довез нас до школы и показал, куда завтра утром мы должны прийти, чтобы учиться серфингу, с купальными принадлежностями и энтузиазмом, с которым у меня были большие проблемы. В конце концов мы заселились в небольшую квартиру со спальней, гостиной, кухней, душем, совмещенным с туалетом, и террасой, которая переходила во внутренний двор с общим бассейном.

Получив ключи, мы сразу стали предлагать Анатолию деньги за проживание и обучение в школе, но он снова ошарашил нас доверием: «Рассчитаемся потом, в конце вашего путешествия». Мы привыкли в любом хорошем поступке искать подвох и успешно его находить. Так научило нас наше общество. Но сейчас я была жуть как растеряна.

Оказалось, что окрестности полуострова Балеал можно обойти за пару часов. Вдоль главной улицы расположились забавные домишки с черепичными крышами, напоминавшими половинки горшков. Несколько небольших ресторанов, кафе «Гейм Клуб», где можно сыграть в бильярд и пообедать, супермаркет с пивным баром и столиками под открытым небом, прокаты досок для серфинга, несколько магазинов с безделушками и летней одеждой и бесчисленное множество серфинг-школ.

Первым делом мы отправились к океану, чтобы поглазеть, как начинающие серферы барахтаются в волнах, и понять, что нам предстоит. На пляже было ужасно много народу, повсюду цветные зонтики, ширмы для пляжа. Дети и взрослые играли в мяч, собаки гонялись друг за другом, а в воде было с десяток серферов, которые только учились вставать на доске. Меня ужаснуло количество наблюдавших за неуклюжими новичками. Уже заранее мне было стыдно перед ними за свои неудачи, ведь я даже не любила воду.

В шортах и футболке я чувствовала себя некомфортно. Годами я не снимала куртку на улице, потому что не располагала погода. И теперь, когда ничто не обтягивало меня и не обнимало, мне казалось, что я осталась без панциря. Было стыдно за голые руки и ноги, за выпирающий из-под футболки живот, за бледную и рыхлую кожу. Когда тело колыхалось при каждом шаге, я стыдливо прикусывала губу. Захотелось уйти с пляжа, где каждый второй будто сошел с обложки журнала.

Широкая улица у океана резко сворачивала налево и уводила в Пениши, который виднелся на той стороне огромного залива. На полуостров Балеал вела узкая асфальтированная дорожка. Она прошла через крохотный городок и привела нас на утес, откуда открывался потрясающий вид. Вода с неистовой силой будто стремилась расшибить каменные массивы, столетиями вытаскивая из них причудливые формы. Когда волна ныряла в щели и пустоты, раздавались вздохи и стоны.

Вместе с нами исследовали утесы и другие туристы, они смеялись, щелкали фотоаппаратами, мешая мне поддаваться гипнотизму океана и природных красот. Оказываясь в новом месте, я просто смотрела по сторонам без восхищения и интереса. Зачем привыкать, если все это останется в прошлом. Так было и в тот раз. Океан что-то шептал мне, но я не могла слышать, а может, и не хотела. «Вода как вода», – думала я.

Андрей тянул меня на пляж снова. В отличие от меня, он точно знал, зачем приехал сюда. Он рвался искупаться в океане и представить себя на доске для серфинга. Когда вода накатила и добежала до моих ног по песку, я чуть не закричала – она ледяная. С трудом представила, как смогу зайти хотя бы по пояс, но взяла волю в кулак и залезла в воду с головой. Я ведь не неженка какая-нибудь. В воде что-то сверкало. Лучи солнца будто отражались от граней прозрачных кристаллов, и вода напоминала дождь из блестящих конфетти.

Никто из отдыхающих не плавал. Все молча стояли в воде и смотрели на горизонт в ожидании. Вдруг толпа заволновалась. Что-то вот-вот должно было произойти. Океан начал колебаться сильнее, и вдруг передо мной, стоявшей в числе ожидающих, выросла стена воды. Люди один за другим начали подпрыгивать. Я повторила за ними. Вода подняла нас, ноги перестали касаться дна, в душе затрепетало. Люди были счастливы и ждали следующую волну. Я прыгала вместе с ними, но это мне наскучило, и я решила заплыть подальше, однако океан не позволил мне этого. Приходили новые волны и отбрасывали меня к остальным. Тогда я решила не тягаться с силой природы и выйти на берег. Но и это едва удавалось. Волны, на первый взгляд совсем маленькие, догоняли меня и сильно били в спину, вынуждая падать и нелепо барахтаться. Когда воды было уже по колено, я выбилась из сил, но океан продолжал издеваться. Купальник приходилось держать руками, чтобы его не смыло водой. И только тогда я обрадовалась, что заниматься серфингом мы будем в гидрокостюме и черт с ним с этим загаром.

Некоторое время мы еще посидели на песке. Как настоящие туристы, укутывались в полотенце от ветра и не расставались с кепками, в то время как остальные чувствовали себя в лучах палящего солнца и потоке ледяного ветра как рыбы в воде. Я была чужаком.

Серферов в океане было много. Кто-то приходил с группой, кто-то занимался индивидуально с тренером, кто-то пытался освоить это дело самостоятельно. Были и виртуозы, летающие по волнам, как гимнасты на снарядах. Я смотрела на них равнодушно. Зрелище было необычным, но не захватывающим.

Окончательно околевав от холода и потеряв надежду согреться, мы решили вернуться в апартаменты. Купальник и плавки у нас не высохли, поэтому по городку мы шли в шортах с большим мокрым пятном на заднице. Никого, казалось, это не смущает. Больше всех смущались мы. Особенно в супермаркете, куда зашли купить чего-нибудь поесть. Все-таки это общественное место, и неприлично приходиться в него в таком неопрятном виде. Купив продуктов на завтрак, мы пришли в пустые апартаменты, и нас опять потянуло назад к океану. Зачем? Мы ведь только что оттуда.

Теплое португальское солнце скрылось за линией горизонта, и больше ничто не могло соперничать с ледяным ветром, поэтому нам пришлось одеться потеплее. С приходом темноты улицы опустели совсем. Почти во всех окнах города не было света, будто городок вымер и непонятно, для кого фонари освещают асфальт. С океана поднимался туман, густой и живой, как дым. Рассмотреть серферов в воде уже не представлялось возможным. Только огоньки налобных фонариков свидетельствовали об их нахождении в океане.

По обе стороны тонкого перешейка, соединяющего Балеал и материк, шумел океан. Вдоль пляжей расположилось несколько кафе и баров. Андрей, как ценитель морепродуктов, торопился отведать какое-нибудь блюдо, поэтому мы зашли в одно из кафе. Андрею приглянулся крем-суп, и как только мы вдоволь наелись, нас сразу сморило. Оплатив счет, поторопились назад в апартаменты, где сразу улеглись спать.

Андрей уснул мгновенно – сразу видно, что человек с крепкими нервами. А я осознала, что уроки серфинга приблизились ко мне вплотную, что уже завтра начнется мой труд и позор, и это не давало мне беспрепятственно предаться сну. Я лежала в кровати и делала запись в свой личный дневник, записывала все это и стряхивала с простыни маленьких красных муравьев, которые начинали порядком раздражать мои и без того встревоженные нервы. Как только я выключила свет, мои страхи выросли до катастрофических размеров, и мне начало казаться, что все мое тело покрыто муравьями. Приходилось снова включать свет и осматривать себя и постель. И, о ужас, муравьи действительно продолжали ползать по мне и простыне, хоть и не в таком количестве, в котором я представляла. Сначала я решила облить кровать спиртом – вдруг их отпугнет запах, но это не помогло. Запах спирта быстро выветрился, и муравьи появились снова. Тогда я начала искать, откуда они бегут – может, у них вообще под кроватью целый муравейник. Дела обстояли не так ужасно, но когда я заметила в углу комнаты что-то

черное, подошла поближе и увидела, что муравьи образовали черную кляксу на полу, сгрудившись вокруг пятна какого-то не то сиропа, не то варенья, моя нервная система закричала. Я схватила влажную салфетку и принялась собирать муравьев и стряхивать на террасу. Я сожалела, что нашим жизням пришлось пересечься под таким углом. Они важны на этой планете ровно настолько, насколько важна я, поэтому мне было больно нарушать их планы, тем более что я знаю, какие муравьи трудяги. Очень жаль, но многие муравьи погибли. Я просто отравила их спиртом или раздавила.

И даже это не помогло мне уснуть, потому что до самого утра я пыталась застать муравьев врасплох на пути к моей постели, резко включая свет. Я злилась на себя за волнение из-за муравьев и предстоящих занятий. Все это еще больше лишало меня желаний и сил. Я вообще не любила заниматься чем-либо в больших группах, потому что постоянно сравнивала себя с другими и внутренне соперничала.

День 2

В девять часов утра нас уже ждали в школе. Андрей уверял меня, что идти нам всего пять минут, поэтому самозабвенно лежал в кровати и досматривал сны. Я в это время сделала зарядку, съела порцию овсяной каши с изюмом, тост с сыром и выпила кружку кофе. Предстоящее испытание волновало меня до стука челюстей друг о друга. Еще ни разу в жизни я не вступала в близкий контакт с жителями той или иной страны. А что, если они неотесанные и кривляются как обезьяны? А что, если между собой они будут смеяться над нами из-за плохой физической формы? Вдруг от меня потребуется отличное знание английского, а я им не владею? А если мне не понравится серфинг в первую же минуту? «Ладно, перетерплю эти две недели как-нибудь», – подумала я.

Внутренний двор апартamentов был весь мокрый, будто всю ночь лил дождь. Стену дома облепили улитки с витиеватыми раковинами. Стоял густой серый туман. Я решила не делать поспешных выводов и дать природе шанс. Я приехала в лето и ожидала, что хмурое утро в итоге превратится в солнечный день.

Школа представляла собой скопление одноэтажных домиков, в которых находились комнаты серфинг-лагеря. Во дворе школы расположился деревянный навес, под которым прятались столы и лавки, а также подсобные помещения для гидрокостюмов, досок, стиральных машинок лагеря и кабинет Анатолия.

У школы толпились ученики. По выражению лиц я поняла, что они приехали из стран постсоветского пространства. Парень сидел на пластмассовом кресле и держался за голову, его девушка откинулась на спинку стула и курила. Другой ученик с недоверием окинул нас взглядом и отвернулся. С ноги на ногу переминались женщина и еще два молодых человека с ней. Никто не улыбался и не здоровался – все так, как я привыкла.

Когда подошло время, из школы к нам вышел симпатичный португалец Нелсон, кудрявый, со складной фигурой. Он завел нас под навес и запрыгнул на стол. Мы робко расселись вокруг. Около получаса Нелсон рассказывал о приливах и отливах, о направлении ветра и влиянии рельефа дна на образование волн, показывал, как надевать гидрокостюм и что делать с ним после использования. Он смотрел нам прямо в глаза, постоянно улыбался и шутил. А я сидела, стиснув зубы от напряжения, потому что понимать английскую речь и кивать – это еще не учиться серфингу. Я боялась своих неудач, критики, слов, что я хуже всех, потому что все это уничтожало мою самооценку в детстве, когда я занималась танцами. Это что-то во мне испортило, и с тех пор я не чувствовала вкуса жизни. Но когда ты ребенок, твои ошибки выглядят мило и простительно. Позориться во взрослом возрасте очень стыдно.

От волнения у меня стучало в висках и кровь заставляла щеки краснеть. Я не замечала ничего вокруг и уже забыла обо всем, что нам только что рассказал Нелсон. Поэтому, когда Анатолий раздал нам гидрокостюмы, я с огромным трудом натянула свой на себя, но кто-то дернул меня за молнию спереди, и меня осенило: молния должна быть на спине. Вот и первое удушающее чувство стыда: я единственная из всех, кто надел гидрокостюм неправильно. Затропила ситуацию исправить, пока еще кто-нибудь не заметил, но гидрокостюм предательски прилип к уже увлажнившемуся из-за жары телу.

Помимо гидрокостюмов, нам выдали футболки, которые мы должны были надеть сверху. Так инструкторам легче узнавать своих учеников в океане. Цвет футболок мне понравился – голубой, вполне логичный для занятий в воде.

Из кладовки Анатолий и Нелсон вынесли доски для серфинга и раздали ученикам. Я впервые видела доски в реальности и трогала их. Все это было странно и неестественно для меня. Я не знала, можно ли класть доску на асфальт, поэтому держала ее в руках, которые тут же задрожали от напряжения. Я была ужасно зажата, старалась стоять где-нибудь в сто-

ронке, пока мимо шныряли все эти посторонние люди. Я не понимала, зачем я здесь, зачем мне все это нужно.

Уложив доски в трейлер, инструкторы повезли нас на пляж. С каждой секундой я становилась все ближе к испытанию. То, что я ничего не знаю ни о серфинге, ни о поведении в воде, меня очень пугало. Последние несколько лет я даже не купалась в открытых водоемах. Уже заранее пыталась как можно сильнее свыкнуться с мыслью, что у меня точно ничего не получится, что уже сейчас надо признать свое поражение.

«Смотри, смотри! Океан!» – с восторгом говорил Андрей, а я в это время разглядывала дома и поля.

«Вот какой я серфер! – думала я. – Даже не смотрю на океан». Мне казалось, что я совершаю ошибку, что я сама – ошибка в этом месте.

Мы были уже в гидрокостюмах, но нас предупредили, чтобы мы взяли с собой полотенце. Я отнеслась к этому невнимательно. Полотенце-то взяла, а вот о том, что нужно оно для переодевания, не подумала. Нелсон сообщил, что перед возвращением в школу мы должны снять свои гидрокостюмы и переодеть купальники на сухую одежду, потому что соль океана разъедает буквально все, а мы должны позаботиться о сохранности сидений в машине. Я слотнула ком, потому что сухой одежды не взяла.

Одной из главных забот, на которую мы должны были обратить внимание, был крем для загара. Чем выше степень защиты от ультрафиолетовых лучей, тем лучше. Я высокомерно фыркнула. Помимо того что за окном все еще было довольно много облаков и мало солнечных лучей, я была восприимчива к солнцу и очень редко, практически никогда не получала ожогов. К тому же перед поездкой несколько раз посетила солярий. Больше для красоты, конечно, чем для подготовки кожи. В памяти всплывали моменты, когда в путешествиях я видела идеальную картину мира, и мне хотелось ей соответствовать, но было поздно меняться, поздно работать над собой. Так что теперь я предприняла небольшие усилия заранее.

Уже на пляже мы сложили свои доски в ряд и столпились вокруг Нелсона. Он разделил учеников на две группы – новичков и опытных. Сам он взял группу умелых, а нас передал другому инструктору. Я испытала разочарование, ведь Нелсона я знала уже второй час в жизни, а тот новый – мне чужой, и опять надо к кому-то привыкать.

Наш инструктор был худой и светловолосый. Он не улыбался, как Нелсон, и тонкие морщинки вокруг глаз появились не из-за частого смеха, а из-за того, что он щурился от солнца. Имя его показалось мне странным – Гуштаву. «Бразильский сериал какой-то!» – с усмешкой подумала я. В то время как обтянутый гидрокостюмом Нелсон смотрелся фигурным и приземистым – плоский живот, широкие плечи, налитые соком икры, Гуштаву был худым и высоким. Одна черта в его внешности мне импонировала – нос с горбинкой. С ним человек для меня уже был на пятьдесят процентов красивым. Остальные пятьдесят складывались из внутренней наполненности человека.

Подбородок Нелсона всегда был приподнят, а улыбка не сходила с лица ни на секунду. Когда он в чем-то соглашался с собеседником, то играл глазами – закатывал их, отводил в сторону, смотрел в лицо собеседника. Казалось, он на все смотрел немного свысока, играючи, знал себе цену, но при этом показывал, что уважает и тебя, втаскивая на эту вершину, с которой вы вместе смотрите на мир сверху.

Гуштаву же, напротив, смотрел на всех и ни на кого конкретно, объясняя нашу задачу на сегодня. Он не притягивал, не завлекал людей, не призывал доверять ему. Он сразу приступил к делу, не тратил времени на пустую болтовню. Имея спортивное прошлое, я сразу оценила его серьезный подход, и мне это понравилось.

От него я узнала, что в воде всегда нужно стоять к океану лицом, потому что это стихия и она непредсказуема в своем поведении. Но главная опасность – это другие серферы, волной их может бросить прямо в тебя, или ты сам преградишь им путь, и вы столкнетесь.

Сегодня от нас требовалось зайти в воду по пояс, лечь на доску, дожидаться толчка пеной и оторвать грудь от доски на вытянутых руках. Пока я пыталась себе это представить, все куда-то побежали. Я побежала за ними. Ученики влетели в воду на всех парах и начали бросаться в волны головой, как обезумевшие пингвины. Вода была ледяной, она тут же просочилась через молнию на спине и намочила поясницу. Нырять с головой мне не хотелось. Подходила волна, и я подпрыгивала, как вчера, чтобы волна меня подняла, а не искупала. Я изо всех сил вытягивала шею, чтобы не намочить лицо и волосы, а когда обернулась, увидела серьезный взгляд Гуштаву и поняла, какой неженкой, трусихой, слабой я выгляжу. Снова подошла волна, и я подставила ей макушку, потому что не знала, как правильно нырять. Удар был такой силы, что я открыла рот и тут же нахлебалась воды. Я предприняла еще попытку, и тогда у меня полетели искры из глаз. Когда я вынырнула, остальные уже шли на берег.

Гуштаву побежал вдоль пляжа, мы за ним. Я бежала самая последняя, потому что чувствовала себя очень плохо. У меня кружилась голова от ударов воды, я боялась потерять сознание. Жалеть себя я не умела, вот и бежала изо всех сил, хотя по-хорошему, надо было сначала прийти в себя. «Вот я и погибну, еще не начав заниматься серфингом», – подумала я, но вскоре добавились новые ужасные ощущения. Когда мы встали в круг и начали делать наклоны, гидрокостюм меня чуть не задушил. Мое лицо побагровело, но я по-прежнему старалась не подавать вида, что это доставляет мне какие-то неудобства. Гидрокостюм должен сидеть плотно, что тут поделаешь. Иначе нет в нем никакого смысла, если вода попадает внутрь. Ты просто замерзаешь, и это заботит тебя больше, чем серфинг. Да и недалеко час заболеть, ведь вода в океане колеблется от шестнадцати до двадцати одного градуса.

Разогревшись разминкой, мы еще раз выслушали инструктаж и легли на доски. Гуштаву подошел к каждому ученику и отрегулировал положение тела. Наши доски новичков были широкими и длинными. Я не представляла, как управляться с таким плавательным средством, но старалась сделать все, что могу – запомнить советы. Надо было лежать так, чтобы носки ступней стояли на самом хвосте доски, а руки упереть сбоку на уровне груди. Прodelывать это на песке было проще простого, но я смотрела в океан и видела, что ученики других школ не справляются.

Гуштаву приказал нам зайти в воду, и тут мои неудачи продолжились. Каждый из нас пристегнул к ноге трос, соединяющий его с плавательным средством, который называется лиш, и взял свою доску в руки. Ученики уже входили в воду, пока я пыталась затолкать доску себе подмышку. Длины моей руки не хватало, чтобы взяться за ее нижний край, это раздражало меня. Сгорая от стыда, я смогла приноровиться и взять доску, как тазик, уперев один край себе в бок. Я посмотрела на Гуштаву, смеется ли он надо мной, но он не смеялся. Он, даже не зная моего имени, решил меня подбодрить и показал знак рукой, что все отлично. Но для себя я все равно выглядела жалкой.

Перекатывать доску через встречные барашки пены получалось хорошо. Это напоминало какое-то знакомое ощущение взаимодействия, как танец в паре, когда ты учишься предсказывать действие партнера за мгновение до того, как тот его совершит. Доску надо было придерживать одной рукой, распластав ладонку по ее поверхности, а второй топить ее хвост, когда подходит волна. Это было даже весело, как детская забава.

Вдруг Гуштаву скомандовал всем развернуться вместе с досками, лечь на них животами и начать грести к берегу. Я забросила сначала одну ногу, потом навалилась на доску всем телом, затем подтянула вторую ногу. Доска подо мной ходила ходуном. Один неловкий вдох, и она готова была перевернуться. Когда я попыталась грести, она начала раскачиваться. Первой же волной меня смыло с доски прочь. Искупавшись с головой, я собралась попробовать снова. Я видела, что идет волна, но не успела исправить положение, белая пена подняла хвост моей доски и держала его так до тех пор, пока я не сползла в воду, как с ледяной горки, лицом вниз.

Почему-то у меня задрожало все тело, хотя страха я не испытывала. Я смотрела на Гуштаву и не понимала, что мне делать. Похоже, у остальных дела были не лучше, поэтому инструктор решил уделить время каждому ученику индивидуально. Пока до меня не дошла очередь, я не делала ничего – просто стояла в воде и подпрыгивала вместе с волнами, будто пришла искупаться. Пена сшибала меня довольно сильно, поэтому требовалось немало сил устоять на одном месте и удержать в руках доску. Океану удавалось попадать мне прямо в ноздри и глазные яблоки, потому что я не могла прикрыть лицо рукой, ведь руки были заняты. Я все еще не понимала, зачем я всем этим занялась. Когда до меня все же дошла очередь, я была уже никакая. Соленая вода лилась у меня отовсюду – из носа, глаз и рта. Я запрыгнула на доску, как слон, Гуштаву прокомментировал: «Полегче!» – и засмеялся. Быть в более глупом положении перед посторонним человеком невозможно. Неожиданно Гуштаву толкнул мою доску, и я заскользила к берегу. Скорость казалась большой, и у доски не было возможности так сильно колыхаться, поэтому под собой я наконец почувствовала стабильную поверхность. По крайней мере, я ощутила, что ехать хотя бы на животе возможно. Гуштаву переключился на других, а я попыталась повторить подвиг. И мне это не удалось.

Первый урок был закончен. Мы переоделись в сухое прямо около трассы. Ветер развевал края полотенца, и все проезжающие могли видеть наши розовые от холода зады. Свои гидрокостюмы мы положили в большие пластиковые тазы и отправились в школу. По приезде мы должны были постирать свои вещи в пресной воде и повесить на сушку. Все это напомнило мне время в детском саду, где мы все вместе убрали игрушки, застилали свои раскладушки или одевались на прогулку. Давно я вот так коллективно не делала обыденных вещей.

У меня было дело к Анатолию на тему муравьев в постели, о которых я почти забыла в океане. Я приготовилась, что сейчас начнется какая-нибудь тягомотина: «надо сказать хозяйке, вот вам телефон, только она не говорит на английском, немного подождите, попросите помыть полы, я вызову специальную службу, ой, забыл...» Но он с пониманием ответил, что такого быть не должно и сегодня же хозяева примут меры. Мне не пришлось настаивать и обороняться. С этого момента мне захотелось называть его просто Толей.

До следующего урока оставалось полтора часа, и мы поторопились вернуться в апартаменты, снова надеть купальные костюмы и перекусить. Какое-то шестое чувство подсказало мне взять несколько купальников, хотя сохли они только днем, вместе с этим выгорая.

Я полезла в шкаф, чтобы поменять футболку, потому что эта промокла и начала покрываться белыми разводами соли, а моя одежда кишела муравьями. Я была в ужасе и весь перерыв перетрясала вещи, пряча их в чемодан.

Андрей в это время впервые на моем веку принялся готовить. Ему вдруг неожиданно захотелось питаться здоровой пищей, и булочка с кофе его уже не устраивала. Я выпила слишком много соленой воды, поэтому есть мне не хотелось. Когда я наклонялась к чемодану с очередной вещью, у меня из носа вытекала струйка воды. Не капля, не несколько капель, а именно струя. От чего казалось, что весь мозг промыт океаном.

Нас просили прийти на урок пораньше, чтобы в назначенное время уже выехать из школы, а мы опаздывали, поэтому пришлось совершить пробежку, и мой живот недовольно ворчал. Нелсон играл в настольный теннис прямо в проходе с другими инструкторами. Оценивая свои ощущения, я решила, что та женщина в годах больше ни за что не согласится войти в воду с доской, потому что даже мне показалось это занятие адски тяжелым и в какие-то моменты унижительным. Но она пришла, а значит, и мне сдаваться было еще рано.

Нас привезли на тот же пляж – инструкторы называли его Бокашика. Мы размялись, уже не так активно. Да у меня и не было сил на большее. Солнце пекло прямо в макушку, невозможно было раскрыть глаза широко, в гидрокостюме становилось невыносимо жарко. Но негодование я испытала по другому поводу. После разминки Гуштаву принялся показывать, как на доске вставать. У меня появилась стойкая убежденность, что он решил меня уничтожить.

Мне казалось, он не замечает, что мы в плохой физической форме, что мы уже не молодые и не гибкие, а просто отрабатывает привычную схему занятий. Я нахмурилась.

Мы уложили доски на песок и легли сверху, как нас учили утром. И вдруг Гуштаву командует: «Ап!» – и мы все вскакиваем в полный рост. Я тут же обожгла большой палец о доску, подтягивая свои тяжеленные ноги. Более того, казалось, у меня больше не хватит сил это повторить, я уже устала.

Я заметила, что ученики стоят вдоль доски одинаково, но нога, которая выставлена вперед, у всех разная. Гуштаву объяснил, что сейчас мы инстинктивно выбрали самую удобную позицию, что так дальше мы и должны тренироваться, не стараясь поменять ногу на другую. Появились понятия «передняя и задняя нога». Трос, который называется лишем, мы должны были закрепить как раз на заднюю ногу, ведь иначе он может просто не позволить выставить ногу, натягиваясь до предела. Ученики с правой ногой впереди назывались «гуффи», а с левой – «регьюлар». Сам Гуштаву был «регьюлар», как и я.

Мне было страшно. Еще несколько раз мы вставали на досках, и у меня получалось из раза в раз все медленнее и хуже. Я была уверена, что в океане упаду лицом прямо на свою доску, споткнувшись. Я еще не почувствовала океана, не поняла закономерностей, по которым движутся волны, не осознала того момента, когда волна вдруг толкает тебя, я еще даже не гребла, боясь перевернуться!

Когда мы направились в воду, я была уже в поту и в оцепенении. Все размышляла, как мне привыкнуть, в чем могли быть ошибки утром, погрузилась вглубь себя, но океан быстро привел меня в чувства и вернул из внутреннего мира в наружный хорошим ударом водой в лицо. Я тут же закашляла, избавляясь от воды в глотке. Глаза и ноздри жгло из-за соли, и я ощущала сильную лень шевелиться и что-то делать. Ты вроде хочешь постоять на месте, отдышаться, но океан таскает тебя и доску туда-сюда, постоянно нужно концентрироваться на происходящем, не отвлекаться на птиц и других людей и отчаянно сопротивляться накатывающим волнам. Это жутко изматывало.

Гуштаву снова помогал ученикам, толкая их доски. Он кричал в нужный момент: «Ап! Ап!» – и ученики вскакивали и падали, как подкошенные. С его помощью мне удалось встать и проехать несколько секунд, после чего я бездарно упала в воду плашмя, но Гуштаву все равно одобрительно кивнул.

Все мы были возрастом от двадцати до сорока пяти, но в океане вдруг стали детьми, которых учил жизни взрослый – наш инструктор Гуштаву, без которого у меня ничего не получалось. Он был настолько сосредоточен, что его рот приоткрывался, когда он ждал волну. А в тот момент, когда он толкал доску ученика, он, наоборот, плотно сжимал губы, и я видела, что он прикладывает огромные усилия. И вот что я вдруг почувствовала: сильное желание сделать все правильно хотя бы ради него, чтобы его старания имели результат, но у меня опять ничего не получалось. С десятой попытки я смогла вовремя залезть на доску, пена несла меня к берегу, но я не могла решиться встать, крепко держась за края доски. В конце концов меня переворачивало сотню раз и тащило уже под водой. Океан вытворял со мной все что хотел. Сама не замечала, как начинала ругаться после очередного падения. Я проклинала себя, меня раздражало, что какая-то вода пытается меня унижить. Когда меня кубарем выносило на берег, нервы натягивались до предела. Хотелось бить доску и пинать океан, но я успокаивала себя и снова шла на глубину. Но ни злость, ни спокойствие не помогли мне достичь успеха.

Я старалась крутиться около инструктора, чтобы тот почаще помогал мне. И он старался изо всех сил, но я была безнадежна. Руки одеревенели, связки бедра получили растяжение, ребра болели. Не знаю, был ли кто-то таким же неудачником, как я. Не было времени ни секунды взглянуть на кого-то другого. Гуштаву повторял одно и то же, я внимательно слушала, запоминала, обещала исправиться, но моя судьба на доске решалась за доли секунды, и я не успевала что-либо предпринять. Волны не собирались под меня подстраиваться и жевали

меня, как могли. Гуштаву видел, что я больше похожа на мусор, плавающий на поверхности, чем на человека, готового бороться. Урок закончился. Инструктор взял мою доску и вынес ее на берег. Я очень не любила, когда за меня что-то делали, потому что это значило, что меня признали слабой. И глупость так думать затмила удовольствие от его внимания.

Гуштаву показал пальцем на мою ногу. Я опустила взгляд и увидела, что чем-то порезалась, идет кровь. Я побоялась, что он запретит мне заниматься дальше, поэтому сказала, что ничего не чувствую, и зарыла стопы в песок, чтобы смешать его с кровью.

Пока мы шли к трейлеру, нам удалось немного поговорить. Я едва успевала за ним по вязкому песку, но диалог меня держал, как на поводке. Я спросила Гуштаву, хотел бы он побывать в России, а он ответил вопросом: «Зачем?» Быстро сообразив, чем бы он мог у нас заняться, сказала, что у нас есть Балтийское море, где тоже можно заняться серфингом и показать мастер-класс. Мне показалось, что мое предложение слишком скучное, Гуштаву молчал. Откуда ни возьмись появилась оса и начала кружить вокруг него. Он отмахивался и вскрикивал, как дитя, а потом рассказал, что в детстве его ужалила оса, началась аллергия, он стал задыхаться, и у него остановилось сердце. Врач всадил ему укол прямо в сердце. Ярко представив этот эпизод его жизни, я будто побывала в его прошлом, будто все это время мы были знакомы. Зная меня несколько часов, Гуштаву общался со мной открыто и непредвзято. Он даже не знал, что я за человек, но доверял мне. Необъяснимое и необъятное чувство благодарности охватило меня. Благодарности за то, чего нельзя увидеть, съесть или потрогать. Как сложно устроены люди. Он не сказал ничего особенного, но на мгновение мне показалось, что нам даже не надо шевелить губами, чтобы поговорить.

Я забыла о неудачах в океане, о стыде, о размазанной по лицу косметике и неидеальной фигуре, об одежде и своем статусе в жизни. Гуштаву говорил не со всем этим, а с тем, что я так долго искала в себе – с тем «я», которое было помещено в это тело тридцать лет назад. Одурманенная новым ощущением, я с легкостью донесла доску до трейлера, забыв, что пару часов назад доска не умещалась подмышкой. Я не чувствовала усталости, будто это что-то физическое и незначительное. Андрей молчал и смотрел на горизонт точно так же, как я. Мне оставалось только догадываться, чувствовал ли он то же самое. А если чувствовал, то додумался ли почему. Но нам было страшно говорить, будто откроем рот, чувство вылетит, и мы снова впадем в свою спячку, которую считали жизнью.

В школе мне страшно захотелось сделать что-нибудь полезное. Я испытывала удовольствие без оглядки, впервые в жизни. И мне хотелось этим чувством поделиться, но я не знала как, поэтому перестирала много чужих футболок, но жажду сделать хорошее дело это утолило лишь на каплю в огромном океане страсти.

Когда все дела были закончены, я ощутила новое чувство: я не хотела уходить из школы ни на минуту, будто могла сделать больше, отдать себя во благо. Мне казалось это безумием и счастьем одновременно. Я действительно проснулась и теперь не знала, что мне делать с этим бодрствованием, чем заполнить каждое мгновение.

Мы удалялись от школы в направлении апартаментов, и чувства вместе с нашими телами слабели, но не исчезали совсем. Физические ощущения начинали преобладать над душевными. Тело становилось тяжелым, болели мышцы, уходила энергия, всплывали стыд и страх. Но больше меня волновало то, что я не знала, как жить дальше. Я будто открыла в себе какие-то новые качества, которые мне нравились, и не знала, кого благодарить за это.

Под кроватью вдоль плинтуса мы обнаружили горы белого порошка – отравы для муравьев, но они еще бегали в шкафу, только это отошло куда-то на десятое место в очереди забот. Еще никогда мы не получали так быстро того, чего хотели. Переодевшись, мы, как под гипнозом, снова пошли на звуки океана. Андрей опять полез купаться, а я решила, что воды с меня на сегодня достаточно, и смаковала свои эмоции на берегу. Я уже знала, что уехать отсюда будет непросто. Но сейчас был только первый день, поэтому можно было отмахнуться и не позволить

себе думать об отъезде так рано. Внимательно взглядевшись в лица отдыхающих, я заметила ту же блаженную улыбку, с которой сидела сама.

К вечеру похолодало. По дороге в апартаменты мы купили дыню в местном супермаркете, которую потом съели на веранде. Мы все продолжали думать и думать о том, что безвозвратно изменило нас. Безвозвратно, потому что став прежними, мы как минимум будем знать, что бывает по-другому.

День 3

Первым, что я почувствовала после пробуждения, была сильная боль в мышцах рук. Это стало неожиданностью, потому что я готовилась к поездке и занималась проработкой именно мышц верхней части туловища. Видеоролики в интернете гласили, что придется очень много грести. Я сделала выводы, но неправильные: делала упражнения на бицепсы и мышцы груди, а больше всего работали дельтовидные мышцы и трицепсы. Но теперь я уже не могла себе помочь.

Мне не терпелось прийти в школу. Урок был назначен на половину девятого. Не могла этого предположить, но ни разу не пожалела, что в свой отпуск вставала как на работу – в такую же рань. Но уже начинала закрадываться мысль, что надо жить так, чтобы ранний подъем был в радость – ведь начинается новый день прекрасной жизни.

В школе знакомые лица показались донельзя приятными, будто мы знакомы гораздо дольше, чем сутки. Все наши действия были отлажены, словно мы делали это не два раза в жизни, а тысячу раз: поиск своего гидрокостюма и майки, отправка их в черный таз, который несли в машину, поездка на пляж. Гуштаву интересовался, хорошее ли у нас настроение, нет ли каких-нибудь травм. Все это не выглядело притворством, и тогда я поняла, что дома не смогу купить такую искренность даже за деньги.

Натягивать на себя гидрокостюм было еще сложнее. Движения ограничивались болью и усталостью, усердно тянуть ткань нельзя – порвется. Ужасно напрягалась область вокруг большого пальца, кисти немели. Возились мы дольше обычного, извиваясь в воздухе с опутанными синим гидрокостюмом ногами. Когда мы наконец справились, Гуштаву показал нам, как нести свои доски вдвоем. Кто-то один брал ее за нос, второй – за хвост плавниками наружу, но я ни с кем не хотела делить свою ношу. Иногда чья-то помощь представлялась мне костылем, с которым я справилась бы лучше, но без которого чувствовала себя сильнее и увереннее.

Небо затянулось утренней дымкой, и курортный вид океана значительно испортился. Вода отражала небо и сама была серой, как лужа. И тут же нахмурилась я сама. Нельзя быть зависимым от погоды человеком, но иногда это вне нашего контроля.

Нелсон вызвался вести зарядку, которая оказалась в два раза дольше зарядки Гуштаву. От всевозможных упражнений гидрокостюм опасно натягивался и стремился разойтись по швам. Ткань костюма воздухопроницаема, поэтому мы все вспотели и тело начинало чесаться. Для себя я сделала вывод, что подход Гуштаву мне нравится больше. Сам он не очень-то гибкий, и растяжка у него плохая – соответственно, он, как и любой человек, старается избегать того, что доставляет неудобства, но при этом не устраивает изнуряющей разминки для того, чтобы сильнее впечатлить учеников: «вот, смотрите, какой серфинг сложный, раз уже вымотались, слабаки!»

Океан волнами не баловал. Был практически полный штиль, и тут я осознала, что зрелась на волны, потому что без них невозможно тренироваться. Мы целый час просто болтались в воде, так как без подталкиваний Гуштаву не могли сдвинуться с места. Пена толкала слабо, а мы еще не научились грести руками так, чтобы преумножить импульс воды. Конечно, мы предпринимали попытки, но доска под нами тонула в самый решающий момент. Я продолжила разочаровываться в себе. Не усвоила прошлый материал, поэтому, даже когда Гуштаву толкал мою доску, начинала вставать и падала на бок в воду, как объевшийся тюлень. После каждого падения так негодовала, что грязно ругалась вслух. Хорошо, что инструктор ни слова не понимал на русском и я могла себя не сдерживать. Он повторял одно и то же: что я поздно встаю, хватаюсь за края доски, смотрю себе под ноги, а не вперед. Я размышляла: что же он обо мне думает? Может быть, что я плохо говорю на английском и просто не понимаю его? Или что упряму и не желаю сделать того, что он просит? Но я старалась изо всех сил. Только

вот все происходило так быстро, что я не успевала проконтролировать все – и руки, и ноги, и глаза, поэтому падала и падала. Однажды он сказал мне, что у меня не выходит, потому что я не верю в себя, заранее представляю, как упаду. Я запротестовала: он же не может заглянуть мне в голову. Но он сказал, что не проехав и метра, я уже держу пальцы на носу, зажимая его, собираясь упасть в воду, а надо собираться ехать. В следующий раз, пытаясь встать, я заметила, как первым делом поднесла руку к лицу. Гуштаву был прав.

Мне удалось проскользнуть несколько метров и только потом упасть. К тому моменту, когда появились первые маленькие успехи, у меня уже болело все тело. Руки не хотели разгибаться, и каждый раз мне хотелось кричать, когда я отрывала грудь от доски, пытаясь подняться. Голова кружилась из-за кувырканий в воде после падений. Несколько раз, выныривая, я ударялась о свою же доску то лбом, то макушкой, хотя прикрывала голову рукой, как учили. Это, а также полные водой голова и живот, холод воды – все отошло на второй план после боли в мышцах и суставах. Тело будто заржавело и потяжелело раз в сто. Поэтому, когда тренировка кончилась, захотелось плакать и жалеть себя, что ситуация ухудшается. Ничего еще не сделала, а уже все болит. Это ведь может стать преградой в дальнейшей борьбе. Внутри была злость, но на кого? На океан? Это же глупо. Океан ни под кого не подстраивается. Просто я оказалась слишком слаба. Тогда вся моя злость обращалась на саму себя, и мне казалось, что Гуштаву испытывает ко мне то же самое. Но я понимала, что у него тысяча учеников и он вообще обо мне не думает. Если бы он чувствовал что-то к каждому, то ему пришлось бы лечить нервы. Но он каждый день старался выглядеть веселым, легковесным и доброжелательным.

У Андрея дела шли лучше. Об этом свидетельствовало его приподнятое настроение. Он разглядывал девчонок в купальниках, шутил и смеялся. Я попросила его оставить меня в покое, потому что была жутко подавленной и мне надо было справиться с этим в одиночестве.

Мне снова хотелось как-то реабилитироваться – если не выходит в серфинге, то пресупеть хотя бы в чем-то другом. Поэтому я снова, как безумная, стирала чужие футболки. Мне надо было заслужить у самой себя прощение.

В перерыве до следующего урока мы ползали по апартаментам, как парализованные. Больно было даже глубоко дышать. Ребра раздвигались, причиняя нестерпимую боль. Кое-как пожарили полуфабрикаты, поели и упали на кровать. До начала урока так и лежали, не шевелясь.

Тренеры решили отвезти нас на другой спот. Даже по прошествии года я слабо разбиралась в условиях для катания на волнах. Но профи одним взглядом на океан могли оценить дальнейшее развитие событий. Видимо, сегодня в прежнем месте дела были плохи. Мы долго ехали куда-то на север мимо полей и огородов. Из сухой желтой земли, которую и землей-то назвать было трудно, скорее комьями глины вперемешку с песком, преспокойно росли себе тыквы, капуста, лук. Дорогу покрывала та же самая глина, только спрессованная и подсохшая. Представляю, в какую кашу она превращалась в дождь. Гуштаву несли на минивэне впереди, поднимая густое облако пыли. Мы с Нелсоном, ехавшие в другом минивэне позади, ныряли в это облако, представляя, будто у нас сафари по пустыне на джипах.

Я впервые смеялась над шутками иностранцев. Может быть, наши инструкторы-португальцы слишком много общались с русскими и уловили наш юмор, но мы хохотали всей толпой. Еще Нелсон выучил несколько фраз на русском и постоянно повторял их: «Гуштавушка, где ты? Давай греби! Побежали, разомнемся немного!» Иногда казалось, будто он притворяется, что знает только португальский и английский, потому что те русские фразы звучали очень чисто, вообще без акцента. Наш языковой барьер пал довольно быстро. Сначала мы просто качали головой «да – нет», а потом разошлись и оказались способны задавать вопросы и поддерживать диалог.

Мы остановились около заброшенной фабрики по выращиванию рыбы и моллюсков. Окна давно отсутствовали, поэтому сквозь пустые глазницы здания были видны высушенные

временем бассейны. Отсюда невозможно было увидеть океан из-за поросли камыша, поэтому Гуштаву предложил сначала прогуляться до пляжа.

Иногда он говорил что-то серьезно и смотрел куда-то мимо всех, будто ему не нужны реакция, одобрение, согласие или ответ. Я невольно подчинялась этому тону, следя за ним так, словно в конце пути мне откроется какая-то истина. И она открывалась – истина об океане. Ноги вязли в песке, я отставала, но не выпускала Гуштаву из поля зрения. Я еще не знала, как мне ко всему этому относиться – к волнам, пейзажам, природе. И это знание я получала от него. Он все это уважал, а я уважала его за способность все это оценить.

Он смотрел на океан, а я смотрела на него. Под козырьком русого чуба хмурились брови, образовывая между собой две глубокие морщины. Он не моргал, и я могла заметить, что океан был не снаружи, не там впереди, а прямо внутри его зеленых глаз. «Что это за человек?» – подумала я.

Гуштаву очнулся, вышел из безмолвного диалога со стихией и направился обратно к трейлеру. Нелсон толковал его действия как одобрение, что здесь мы продолжим урок. Небо темнело и капризничало, камыш беспокойно шуршал листьями, а мы все равно собирались серфить. Вопреки угрозам природы.

Я вообще не имела сил. Глаза закрывались от усталости, движения конечностей были вялыми. Не хотелось даже улыбаться. Когда Гуштаву рассадил нас вокруг себя, я увидела, что остальные ученики так же разбиты усталостью. Я не представляла, как все это вынесу, и приготовилась тренироваться не на жизнь, а на смерть.

Признаться в собственной слабости тренеру казалось страшным грехом. Помимо этого, как он мог мне помочь? Отрегулировать сумасшедшие волны? Это вряд ли. А волны-то были очень высокие. Мне тогда вообще все волны казались большими.

Инструктор рассказал нам, как сидеть на доске, как разворачивать ее, как преодолевать большие встречные волны, когда добираться на лайн-ап. Вот, что я уяснила: чтобы проскочить над волной, а не получить ею прямо в лоб, надо принять позу лягушки в прыжке – расставить ноги в стороны и максимально оторвать грудь от доски. Если волна слишком большая, то нужно сделать «черепаху» или «эскиморол» – взять доску за нос, обязательно упираться локтями перед собой, и перевернуться так, чтобы доска оказалась над тобой. Волна, по идее, должна пройти мимо, после чего надо перевернуться обратно и снова залезть на доску.

Прозвучала команда идти в воду, и я побежала изо всех сил, чтобы первой оказаться в океане. Когда мы начнем грести на лайн-ап, я все равно отстану, поэтому мне хотелось заранее компенсировать разрыв. Стискивая зубы от стараний, до лайн-апа я добралась в компании еще нескольких парней. Гуштаву попросил всех сесть. Мы едва держались на доске лежа, соприкасаясь с ее поверхностью всем телом. И естественно, когда мы попытались сесть, то все по несколько раз перевернулись. Я не была исключением. На этот раз дно было где-то далеко внизу, поэтому залезть на доску, когда не от чего оттолкнуться, было очень непросто. Самая старшая из нас женщина не могла усидеть ни секунды, и Гуштаву несколько минут снова и снова затаскивал ее на доску. Он так устал, бедняга.

Мы сидели далеко от берега, смешно растопырив ноги. Гуштаву учил нас, что в таком положении нужно ждать волну, сидя лицом к океану, а завидев ее, быстро разворачиваться, делая в воде вращательные движения ногами. Стоило мне пошевелиться, как я теряла равновесие и крепко хваталась за доску, желая ее скорее успокоить. Мы были настолько неуклюжими, что во мне боролись два состояния – стыд и смех. Стыдиться я уже начинала уставать, поэтому смех брал верх. Гуштаву тоже смеялся. И вроде бы его смех должен был меня расстроить, но не расстроил. Он смеялся над нашим неумением, но нас это не оскорбляло.

Тренер попросил нас вернуться на пену, туда, где воды в океане по грудь. Мы выстроились в ряд и лениво погребли к берегу. Вдруг Гуштаву закричал: «Волна! Идет огромная волна! Гребите, гребите!» Я обернулась и на мгновение потеряла рассудок. И без того страшный, бур-

лящий, серый океан вдруг поднялся и догонял нас растущей стеной. Холодный страх прокатился от макушки до пят. Вода и так была ледяной, но внутри у меня сделалось еще холоднее. Я зажмурила глаза и изо всех сил делала то, что говорил Гуштаву. Больше мне не на кого было надеяться. «Ап! Ап!» – закричал он, и я, вопреки желанию обнять доску и ждать расправы океана над собой, подтянула ноги и встала в тот момент, когда почувствовала, что хвост доски начал подниматься. Ноги у меня тряслись, я застыла, как гипсовое изваяние, и скрючила пальцы рук, будто цепляясь за воздух. Я тарасилась перед собой и видела, что траектория моего движения должна пересечься с траекторией другого ученика, но ничего не могла предпринять. Ракета, несущая меня, не имела пульта управления. Ученик со своей доски спрыгнул, а я, парализованная страхом, так и осталась стоять. Когда я наехала на его доску, мое тело по инерции понесло дальше, и я с высоты своего роста вошла головой в воду, а сверху меня накрыло тяжелое одеяло обрушившейся волны.

Когда я наконец вынырнула, меня колотило от испытанного потрясения. Я не была уверена, что еще когда-либо отважусь встать на доску на такой волне. Еще несколько минут я копошилась в пене, но уже не могла вытянуться в полный рост. Так и сидела на корточках, то и дело погружаясь в бездействие и задумчивость, пока океан не поддавал мне как следует. Он совершенно не давал времени копаться в себе, что-то анализировать, вспоминать, заглядывать куда-то в укромные уголки своей души. Пока ты с ним, каждая твоя мысль и клетка тела принадлежали ему. И то, что ты заметишь, уловишь, сфотографируешь своей памятью, останется с тобой навсегда, как последние кадры перед катастрофой.

Гуштаву подплыл ко мне, и я вдруг испытала невероятный прилив нежности. Будто знаю его тысячу лет, а не виделась мы целую вечность, будто мне так много хочется ему рассказать, что не могу ждать больше ни минуты. Но я молчала и смотрела на него. Он, казалось, не замечал моего убожества. Тушь давно размазалась по моим щекам черными кляксами, волосы запутались и висели на лице, как водоросли. Я постоянно сплевывала соленые слюны, и иногда они повисали на подбородке. Сопли вместе с водой вытекали, когда им пожелается, и я, готовясь к толчку пены, торопливо размазывала их под носом. А Гуштаву смотрел на меня точно так же, как смотрел до всего этого безобразия. Кожа его лица сделалась темнее не то от холода, не то отражая цвет воды. Я видела, как капельки воды соскальзывали с его волос и бежали по щекам. Наблюдала, как по горизонту шарит его встревоженный взгляд, а тонкие пальцы держат мою доску. Передний верхний зуб у него слегка выступал вперед, а вокруг рта и на шее проступала рыжеватая щетина. Я долго не хотела признаваться себе, но я им любовалась. Не знаю, какие химические процессы вызывали во мне серфинг и стресс от нахождения в необычной среде, от больших нагрузок и кипящего адреналина, но простые вещи показались мне лучшим, что я могла себе представить. И Гуштаву, способствовавший этим переменам, становился их символом.

Один раз он повел меня на берег. Я терялась в догадках: будет ли он меня отчитывать, попросит сидеть на песке до конца урока, чтобы я никого не покалечила, или заставит отжиматься, пока я не искуплю свою вину? Но он уложил меня на доску и попросил показать, как я встаю. Он удивился, что я все делаю правильно, но у меня все равно не получается в воде. Доска плясала подо мной, как бык, когда я оказывалась с ней в океане, это здорово отвлекало от техники, и я делала как получается, а не как следовало бы.

Потом мы еще долго плескались в воде. Я перестала думать о том, что мое лицо обезображено зверскими гримасами, что под ногами десяток метров океана и множество морских тварей, что я опять выпила несколько литров воды. Все это потеряло значение по сравнению с непреодолимым желанием испытать себя снова.

Пляж был пуст, и тренировалась только наша школа. Массивные утесы отесняли желтую полоску пляжа к океану. Ветер поднимал брызги разбивавшихся у берега волн и бросал на наши лица. Я закрывала глаза, и холодные веки слипались. Доска покачивалась, как колы-

бель. Я погружала руки в воду, шевелила пальцами и набирала воду в ладошки. Не было вокруг ни шума машин, ни болтающих телевизоров. Мне не нужны были телефон и компьютер, чтобы не чувствовать себя одиноко. Мне было все равно, что было до этого дня, я почувствовала, как с меня свалился груз многих мыслей и забот, которые нависали надо мной долгие годы. Здесь, в океане, я почувствовала себя свободной от всего. Не осталось ни капли злости внутри, ни песчинки прошлых обид, и люди, которые меня не оценили в реальной жизни, растаяли в памяти, освободив место новому.

В необъяснимом опьянении я с остальными вернулась в школу. Гуштаву пообещал, что с завтрашнего дня волны начнут расти. Я, вместо того чтобы испугаться, испытала предвкушение. Механически постирав свои костюмы, все разошлись по своим делам, а мы с Андреем не смогли справиться с собой и остались в школе еще на целый час.

Во дворе школы на коврик лежал баланс-борд – небольшая овальная доска, перекинутая через трубу. Любой желающий мог потренировать свою способность держать равновесие. Серфинг мне это мало напоминало, но вещь по-своему занятая. Тем более что она стала нашим поводом не покидать территорию школы еще некоторое время. Гуштаву предостерег нас не сломать ноги и отправился домой. В эту минуту я узнала одно из своих забытых чувств из детства. Очаровываясь талантливыми людьми, я забываю о себе, хочу стать их собачонкой, чтобы везде следовать за ними. А если нельзя, то верно ждать там, где они меня оставили. Только рядом с такими людьми я испытывала всю возможную гамму чувств, поэтому всегда находилась в их поиске.

Когда эмоции немного разжали свои тиски, мы перекусили и пошли прогуляться. Я едва передвигала ноги. Думала, что вчера у меня болели все мышцы, но это не так. Новая боль добавилась сегодня. Ужасно болели бока и внутренняя поверхность бедра. Та нога, которая совершает самый сильный рывок, вылетая вперед, вообще не хотела двигаться, поэтому я бесстыже хромала. Андрею хотелось на пляж, чтобы разглядывать стройных девиц. А я все еще не понимала, что чувствую и что мне с этим делать, поэтому хотелось долго и упорно ходить, пока не отыщу свои ответы, хоть и говорят, что в ногах правды нет.

Мы подошли к обрыву и увидели, как оранжевое солнце тонет в дыму облаков. Пляжи пустовали, интерес Андрея тут же пропал, поэтому мы отправились бродить. Начинался прилив. Километры песчаных пляжей исчезали на глазах.

В голове был рой мыслей о доме, поездках и настоящем моменте. За какие-то два дня пропало прошлое восприятие мира. Я смотрела по сторонам и не могла поверить, что не видела всех этих красок. Нет, не так. Видела глазами, но не чувствовала сердцем. Меня разбудили, оживили, я была в крайней степени сознательности.

Приливом выносило на берег много водорослей, образовывались лужицы в каменных впадинах, и вдруг в одной из них что-то зашевелилось. Маленький, размером с кисть осьминог переползал с места на место и, почувствовав от нас угрозу, погрузился в воду и слился с дном.

Стены утесов меняли расцветку: от желтых с грязно-зелеными прожилками, до красных. Кое-где разминались серферы, люди с сачками вылавливали будущий ужин, встречались и бегуны. Вода оттесняла нас к отвесным стенам, мы поторопились взобраться повыше и увидели огромный блин рыжего солнца, который полз к горизонту. Многие с фотоаппаратами заняли выжидающую позицию и любовались этим потрясающим явлением природы.

Вечером Толя пригласил нас в лагерь посмотреть кино о серфинге. Наши инструкторы, естественно, не пришли. Верить в то, что они прикипают к ученикам, было бы глупо. Когда ты ешь одно и то же изо дня в день, хорошо, если просто перестаешь чувствовать вкус, ведь куда хуже, если будет тошнить.

После того как солнце село, стало темно хоть глаз выколи. Под навесом в лагере расставили пластиковые стулья, растянули на стене экран и включили проектор. Фильм был от лица серферов из США. Они вытворяли на доске невероятное, против всех законов природы. Смот-

рела я на эти кадры и думала, что люди пропитаны серфингом, он для них равен ходьбе, их увлечение ничуть не ослабевает с течением времени и такого искусственно не достигнешь, если поставишь цель. И я немного раскисла. С моими возможностями, с моей расстановкой приоритетов серфинг мог быть для меня временным развлечением. Даже через сто лет таких вот поездок раз в год к океану я бы и в подметки не годилась ни одному из тех, кто провел в океане с доской свое детство и юность. Серфинг – игра для взрослых. Мне было жаль, что я узнала о ней так поздно.

Фильм длился час, а после него ребята из нашей команды накрыли стол во дворе, стояли две бутылки белого вина. Нас они не пригласили присоединиться, и я была этому рада, потому что хотелось одного – уткнуться лицом в подушку. Ощущение того, что моя жизнь раньше была пустой и бессмысленной, истязало меня. И все бы ничего, да только нужно было к ней вернуться.

День 4

Первое, о чем я подумала утром – это как же сильно болит тело. Страшила не боль, а то, что она может помешать мне бороться с океаном, ведь боль сковывает.

Решили больше не наедаться на завтрак и поэкспериментировать – будет ли энергия, хватит ли сил, станет ли легче. Но проверить это довелось нам не скоро, потому что в школе нам сообщили: условий для катания нет, идите по домам. Еще раз просили подойти к трем часам дня, а до этого у нас была уйма времени.

Во мне уже начала зарождаться непреодолимая тяга быть в окружении одних и тех же людей. Будто детский каприз – хочу и все. И никакие прочие занятия не могли отвлечь меня от этого желания познавать себе подобных.

До дневной тренировки оставалось целых пять часов. Охваченные серфингом, мы не тратили ни минуты на то, чтобы тщательнее осмотреться вокруг. Остывшие за ночь от эмоций, решили использовать время с толком и отправились прогуляться пешком до полуострова Пениши. Хромота вынуждала внутренний голос умолять остаться в апартаментах, но отведенное нам время в этом месте не было бесконечным.

До Пениши было около четырех километров пути, о чем сообщали соответствующие отметки на асфальте, начинающие счет от ворот на пороге города и заканчивающие его у большой парковки, сквозь которую надо было проехать, чтобы попасть на крохотный полуостров Балеал. Казалось, прогулка по пляжу сокращает путь в полтора раза. Начинало моросить, но нас это не остановило. Мы вглядывались в серую даль океана и гадали, появятся ли волны к тренировке, и нам обоим казалось, что нет.

Пляж менялся каждые пятьдесят метров. Под ногами были то плотный песок, то вязкий, в котором пальцы, казалось, выгибаются в обратную сторону, то мелкие камушки, сточенные водой до размера бусин, то тина, выброшенная на берег приливом, в ней возились какие-то насекомые.

Все, что я видела там, в Португалии, я раньше встречала только на картинах. Никак не укладывалось в голове, что это все по-настоящему. Я будто вошла в одну из них, переступив раму, как в каком-нибудь мультфильме.

Мы долго брели вдоль воды, пока не уперлись в каменную стену, означавшую, что мы добрались до Пениши. Прошвырнувшись по паре пустынных улочек, я пыталась понять, что из себя представляет жизнь местных жителей. Почти каждый дом имел малюсенький дворик, где едва умещались стул и какой-нибудь керамический горшок с пальмой или алоэ. Представить себя в одном из таких домов у меня не выходило. Такими тесными они выглядели. Мне не хотелось в них жить, но что-то другое уже проросло во мне, и я чувствовала, что с каждой минутой все больше привязываюсь к этому месту.

В Португалии было много необжитой территории: пустые поля, поросшие камышом, высушенные солнцем участки, песчаные дюны. Но это делало близость человека и природы максимальной. В тот момент я поняла, какой ночной кошмар будет преследовать меня: кошмар о том, что это место застроят пафосными отелями, рестораны переполнятся толстопузыми богачами, а дворики с досками для серфинга и сушащимися гидрокостюмами утонут за высокими заборами, спрятанные от людских глаз, как проказа, портящая вид дорогого курорта. А люди будут приезжать, чтобы брать, а не отдавать.

Возвращаться решили по трассе, там как раз вдоль была проложена велосипедная дорожка, а велосипедистов можно было встретить редко – раз в час. Хотя путь от этого только увеличивался, не было сил бороться с песком под ногами снова. Мы шли и шли, пока у меня не загудели и не сварились в тапках ноги. Завернули в какой-то придорожный супермаркет,

и Андрей зависал и перезагружался, как компьютер, у витрины с сыром, а когда он наконец сделал выбор, мы снова двинулись в путь, все больше делая для себя маленькие открытия.

Мы проходили мимо автобусных остановок, где для людей, ожидающих транспорт, сооружены конструкции для развлечения. То какой-то турник с перекладиной под углом, то невысокие деревянные столбики, торчащие из песка, то какие-то перила, по которым можно ходить. И каждая игрушка имела рядом табличку с поясняющей информацией, что с этим делать, но нам некогда было во всем подробно разбираться. Вырулив к берегу океана, мы констатировали факт, что волн по-прежнему нет, поэтому приготовились к переносу тренировки. Но тренировка не отменилась. Мы сложили гидрокостюмы и футболки в черные тазы и поехали искать пляж. Обычно мы делимся на две части, одна из которых едет в машине с Нелсоном, а вторая – с Гуштаву. Сегодня я ехала со вторым и невольно разглядывала его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.